

ГОРЮНКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

академик Международной академии социальных технологий, эксперт-консультант,
RKC-alfa@mail.ru

SERGEY GORYUNKOV

Academician, Expert-Consultant, International Academy of the Social Technologies

УДК 001:167/168

**О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ
КРИЗИСА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**ON THE PROBLEMS OF STUDYING THE INNER WORLD OF A PERSON
IN THE LIGHT OF THE CRISIS OF METHODOLOGICAL THOUGHT**

АННОТАЦИЯ. В статье осмысляются пути изучения внутреннего мира личности в связи с кризисом в сфере общенаучной методологии. Кризис заявляет о себе проблемой «круга», т. е. тавтологичностью суждений, объясняющих то, что уже бессознательно принято за предпосылку доказательства. В такой ситуации становятся актуальными новые вопросы, нуждающиеся в нестандартных способах решения. В первую очередь это происхождение знаниевой составляющей внутреннего мира личности, и здесь невозможно обойтись без предварительного выделения в естественном языке двух функционально различных языков — предметного и символического.

ABSTRACT. The article deals with the problems of studying the inner world of the person, arising in connection with the crisis in the sphere of general scientific methodology. The crisis manifests itself through the problem of «circle», that is, a tautological judgment that explains what has been already irrationally accepted as a supposition of proof. And in the situation of crisis, the problem of the origin of the knowledge component of the inner world of the individual becomes topical. It has been demonstrated that the solution of this problem is impossible without prior identification of two functionally distinct components in the natural language: the subjective and symbolic languages.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внутренний мир личности; смысловые структуры; проблема «круга»; предметный и символический языки.

KEYWORDS: inner world of personality, semantic structures, problem of «circle», subject and symbolic language.

То, что принято называть «внутренним миром личности», — не бесструктурная мешанина из разрозненных впечатлений, эмоций, мыслей, рефлексий и интуиций, а функционально-целостная конструкция, подлежащая изучению чисто операциональными методами. И самое первое, что в этой конструкции отчетливо просматривается, — ее информационная составляющая, т. е. определенный, исторически обусловленный уровень знаний личности о внешнем мире и о своем месте в нем.

Знания имеют вид ментально-языковых структур. Благодаря им личность в ходе общения с другими получает возможность ориентироваться во внешнем мире и заниматься в нем той или иной осмысленной деятельностью.

Откуда ментально-языковое знание берется? В древности на сей счет имелись две точки зрения: 1) знание получено людьми от мифических предков (позднейших богов), 2) оно присуще людям изначально, является их врожденной сущностью. Вторая точка зрения отражена в геродотовском рассказе о том, как египетский царь Псамметих захотел узнать, какой народ на земле самый древний.

С этой целью он велел отдать двух новорожденных младенцев на содержание пастуху (видимо, глухонемому), он кормил их козьим молоком, но словесно с ними не общался. Предполагалось, что врожденная знаниевая сущность человека сама проявит себя тем, что младенцы заговорят на древнейшем языке. И действительно, как пишет Геродот, младенцы на втором году жизни произнесли слово, которое советники царя истолковали как фригийское наименование хлеба. Поэтому было решено, что самый древний народ — фригийцы [5, с. 95].

Сегодня никто уже, за редкими исключениями, во врожденную знаниевую сущность человека не верит, и преобладает другая, «научная» вера, согласно которой знаниевый ресурс людей строится на основе их чувственного восприятия внешнего мира и общественно-трудовой практики. Теоретическим обоснованием этой научной веры является орудийно-трудовая теория культурогенеза. «Верой» она является потому, что, при всем ее академическом весе, ей присущ серьезный методологический изъян — неустранимая тавтологичность: чтобы стать человеком, его звероподобный предок

должен был начать осмысленно трудиться, а чтобы начать осмысленно трудиться, он уже должен был обладать человеческой сущностью. К тому же в основе этой наукообразной веры лежит спекулятивно-умозрительное представление об исторической динамике культуры — представление, не имеющее к настоящей науке никакого отношения (имеется в виду чисто механистическая схема развития «от простого к сложному», «от низшего к высшему») [8].

Спекулятивно-умозрительной теории противостоит эмпирическая фактология, согласно которой знаниевый ресурс личности тесно связан с фактором «научения» (получения личностью знания от других людей), а роль самой личности сводится главным образом к усвоению получаемого от других знания и рефлексированию над ним. Эту эмпирическую фактологию никто не отрицает. Но и методологически значимой никто её признавать не спешит из-за возникающей здесь ситуации «дурной бесконечности»: человек получает некое исходное знание от других людей, те — от других, а другие — тоже от других и так далее, без видимого конца преемственной цепи.

Налицо, таким образом, типичный для современного кризисного состояния методологической мысли тупик: эмпирические данные, указывающие на фактор «научения», непонятны, а претендующая на методологизм теория происхождения и развития культуры спекулятивно-умозрительна, механистична и тавтологична.

Не разобравшись предварительно с этим методологическим тупиком, нельзя сколько-нибудь серьезно говорить и о внутреннем мире личности.

Как разбираться с методологическим тупиком? Строго говоря, выбор между не вызывающей доверия теорией и непонятной фактологией всегда целесообразнее делать в пользу фактологии, поскольку в будущем она может оказаться подходящим материалом для другой, более адекватной эмпирическим данным, теории. К тому же в защиту фактора «научения» говорит и вполне понятный материал, например, тот вариант развития личности, который можно условно назвать «сценарием маугли» (имеется в виду не персонаж Р. Киплинга, а реальная жертва обстоятельств).

Суть в том, что новорожденный ребенок по тем или иным причинам изымается из человеческой среды и попадает в среду «братьев наших меньших». Как следствие, его внутренний мир становится, причем необратимо, неотличимым от внутреннего мира тех, кто составляет отныне его окружение. И не только внутренний мир, но также весь характер поведения и общие навыки выживания. Если, скажем, ребенок попал в среду хищников, то он и сам по своим повадкам становится хищником. В среде травоядных это будут повадки травоядного существа. (В 60-х годах прошлого века в прессе промелькнули сведения о «маугли», живущем в стаде африканских антилоп; он, как и антилопы, щипал траву и в беге не отставал от своих приемных родителей.)

Естественно, во всех таких случаях в ребенке не остается ничего, что позволяло бы назвать его

внутренний мир «человеческим». А это значит, что в момент рождения человека его внутренний мир — *tabula rasa*, чистая доска. Что туда вложишь, то и окажется содержанием внутреннего мира.

«Вложения» же — в их стандартном, человеческом исполнении — начинаются с самых первых минут появления ребенка на свет. Новорожденный попадает в мощнейшее, задаваемое родительской средой информационное поле. Сначала это просто шквал зрительных, звуковых и осязательных ощущений, в котором ребенок пытается разобраться. Затем начинается узнавание повторяющихся сигналов и попытки их лексического воспроизведения. Словарный запас постепенно пополняется и увязывается со смысловыми контекстами. При этом ни о каком критическом восприятии получаемой от взрослых информации на данной стадии развития нет и речи — слишком мало во внутреннем мире ребенка материала для критического сравнения. Здесь происходит в полном смысле слова «программирование» личности.

К программированию сводится и весь дальнейший процесс расширения кругозора: домашний мир, уличный, городской и т. д. Расширением кругозора фиксируются этапы взросления. На домашние впечатления накладываются впечатления от детского сада, школы, первых опытов вхождения во взрослую жизнь — впечатления, облеченные в соответствующие ментально-языковые структуры, а в конечном счете в знание об окружающем мире. Обретение знания на данном этапе — результат все более усложняющегося программирования: уже не только через ментальные штампы и разговорные клише семейной среды, но и через систему образования, обработку средствами массовой информации, общую идеологическую атмосферу общества.

Программирование личности — процесс, обусловленный важнейшей, присущей культуре, ее программирующей функцией [7, с. 100–123]. А программирующая функция культуры означает, что информационная составляющая всегда привносится во внутренний мир личности извне, от других людей. Никаких иных вариантов появления информационной составляющей во внутреннем мире личности мы не знаем и вынуждены принимать это как эмпирическую данность, какой бы непонятной она нам ни казалась.

Разумеется, сказанным не снимается, а лишь заостряется проблема «дурной бесконечности». Но об этом чуть позже. А сначала разберемся с вопросом: если свое языковое знание о внешнем мире личность всегда получает извне, от других людей, то что в ее внутреннем мире от нее самой?

От самой личности — ее обусловленные генетическими задатками реакции на поступающую извне информацию. Такие реакции сводятся к трем типам: эмоциональному, рефлексивному и интуитивному.

Эмоциональный тип реакций — это полный спектр эмоций, вызываемых поступающей извне информацией: от удивления и восторга до страха, отвращения и ненависти. Если информация вызывает положительную эмоцию, то она

охотно воспринимается и начинает считаться «своей». А если вызываемая ею реакция негативна, то информация просто отторгается.

Есть информация, которая воспринимается как сама собой разумеющаяся; она ложится в основу «бессознательной» части информационной составляющей личности. Но какая-то информация воспринимается неоднозначно, потому что противоречит уже накопленной. Такая информация, прежде чем быть принятой или отвергнутой, заставляет рефлексировать — сравнивать ее с уже имеющейся информацией (причем не только с языковой, но и с внеязыковой — с чувственным восприятием окружающего мира). Чтобы такая информация не противоречила предыдущему запасу информации, она «пробуется на зуб», «ломается через колено» и так далее, пока не приводится в соответствие с уже имеющимся опытом. В результате именно критическая рефлексия придает внутреннему миру личности то своеобразие, которое делает его непохожим на внутренние миры других личностей и обеспечивает тем самым взаимный обмен информацией.

У рефлексивного типа реакций тоже свой спектр проявлений. Например, это может быть реакция на частично или целиком непонятную информацию. Или на информацию, давно и хорошо известную, но ставшую непонятной в свете новых данных. Или на информацию, предосудительную с точки зрения уже усвоенных норм социального общежития. Или на информацию, открывающую горизонты и перспективы, стимулирующую поиски нового. Или это реакция запрета на информацию того или иного рода и т. д. Вариантов много, а следствий из них еще больше.

Рефлексивный тип реакции неотделим от «понимания» во всем диапазоне его степеней и форм проявления. Понимание — это, во-первых, индикатор соответствия принимаемой информации уже имеющейся, а во-вторых — индикатор соответствия имеющейся информации о мире самому этому миру. В обоих вариантах понимание всегда относительно: оно может перейти в непонимание и наоборот. Критерий же адекватности понимания тому предмету, который «понимается», связан не с самой процедурой понимания, а с практическим опытом («чтобы понять вещь, нужно ее сделать», как утверждал Софокл).

Наконец, третий тип реакций — интуитивный. Интуиция представляет собой реакцию на информацию, не поддающуюся сразу ни эмоциональной оценке, ни рефлексивной. Она возникает как смутный отзвук на полученную информацию. В этом случае информация не принимается и не отвергается, а просто берется к сведению, откладывается в сознании «про запас» (до того момента, когда его сочтут нужным заняться реакция рефлексивного типа).

Как следствие трех типов реакций на поступающую извне информацию, внутренний мир личности обретает вид неповторимой мозаики из информационных фрагментов, в том числе очень крупных и связанных, отвечающих за целостную картину мира. Разумеется, неповторимость этой мозаики

относительна, поскольку главное ее назначение — обеспечивать возможность нахождения общего языка с другими личностями. И, разумеется, качество этой мозаики напрямую зависит от способности личности усваивать новую информацию, т. е. учиться. Ведь учение — это труд, от которого люди рано или поздно устают. Крайне мало таких людей, которые учатся всю жизнь. Чаще всего люди в какой-то момент жизни говорят: с меня хватит, с таким багажом я вполне благополучно просуществую. Отсюда разница в интеллектуальном уровне личностей.

В целом внутренний мир личности можно охарактеризовать как продукт органической взаимосвязи трех основных, генетически обусловленных, типов реакций — эмоциональной, рефлексивной и интуитивной — на поступающую извне информацию о мире. Именно этот «продукт» и осознается нами как наше «я», как наше знание о мире и о себе в нем. Форма представления знания, повторюсь, ментально-языковые структуры.

Такова в самых общих чертах модель внутреннего мира личности. В ней, как мы видим, остается «белое пятно»: непонятная природа информационной составляющей. Естественно, возникает вопрос: где ее историческое начало? Ответов, по большому счету, два: философский и научный.

Философский ответ (т. е. такой, который невозможно проверить) предлагает не только орудийно-трудовая теория культурогенеза, но и другие теории того же рода: игровая теория Й. Хейзинги (*Johan Huizinga*) и психоаналитическая З. Фрейда (*Sigmund Freud*). Все они равно спекулятивны и бездоказательны, потому что строятся по одной и той же тавтологической схеме: «Культура возникла потому, что она возникла» (а, говоря о культуре, мы одновременно касаемся и специфически человеческой системы знаний о мире). Иными словами, в этих теориях происхождение культуры объясняется с помощью того, что само требует объяснения. В методологии науки такой тип объяснений называется «кругом в доказательствах» — *circulus vitiosus* («Научное доказательство не вправе иметь уже предпосылкой то, обосновать что его задача» [5, с. 152–153]).

Настоящий же научный ответ на вопрос «Где истоки информационной составляющей?» начинается там, где кончается ответ философский. И если философский ответ оборачивается тавтологическим тупиком — проблемой «круга», то для подлинно научного ответа данная проблема должна служить исходной точкой отсчета.

И действительно, она является таковой, причем весьма болезненной точкой — главной методологической проблемой текущего момента. Правда, специалистов, осознающих ее как главную методологическую проблему, не так уж и много; подавляющим большинством членов научного сообщества кризисность современной методологической ситуации осознается, к сожалению, довольно слабо.

Одним из первых в истории отечественной мысли на ситуацию «круга» обратил внимание В. И. Вернадский (не только выдающийся геохимик, но и незаурядный методолог науки).

Проследив историю научной мысли от ее донаучных истоков, он пришел к выводу, что в основе теорий происхождения Вселенной, Земли и Жизни лежит мифо-религиозная идея «Начала мира», бессознательно унаследованная позднейшей философией и наукой [2, с. 313–314], т. е. он показал, что «принцип историзма» — это просто слегка онаученная языковая презумпция «происхождения». А все попытки понять истоки чего-либо с помощью данной презумпции доказывают лишь, что ученые бессознательно для самих себя живут в мире языковых штампов (в мире «научного фольклора», в неосознаваемом плену языка, «в рабстве у слов»).

Тема неосознаваемой зависимости мышления от языка тоже очень слабо понимается современным научным сознанием. Здесь сыграла свою роковую роль многолетняя промывка мозгов «теорией отражения», согласно которой у форм общественного сознания нет ни собственной истории, ни собственного развития, ни изменчивой во времени смысловой структуры. Именно поэтому с огромным трудом получает признание тот факт, что у каждой исторической эпохи — своя ментальная атмосфера, проявляющая себя в соответствующих ментально-языковых структурах [6, с. 199–201].

Одной из главных таких неосознаваемых структур и является ментально-языковая презумпция «происхождения» («возникновения», «начала» и т. д.), продолжающая по исторической инерции считаться инструментом научного познания мира. Эту инерцию высмеял в свое время создатель символической теории культурогенеза Э. Кассирер, писавший в главном труде: «Вместо того, чтобы подразумевать под “происхождением” мифологическую потенцию, мы начинаем видеть в нем научный принцип и именно как таковой учимся его понимать» [12, с. 32].

Символическая теория культурогенеза Э. Кассирера — единственная на сегодняшний день теория происхождения культуры, которая может считаться строго научной. Правда, как и всякая другая теория, основанная не на спекулятивно-умозрительных предпосылках, а на эмпирических фактах, эта теория не столько объясняет проблему, сколько задает загадки. Но с ее помощью можно, по крайней мере, выстраивать эмпирически оправданную стратегию «разгадок».

Имеется в виду, что причину «круга» можно теперь с уверенностью усматривать в познавательной ситуации — в отношении познающего к познаваемой реальности. Познавательная же ситуация со времен средневекового спора номиналистов с реалистами заключается в противопоставлении друг другу двух познавательных подходов. Один — это претензия познающего на то, что он воспринимает мир непосредственно, а язык служит ему лишь подсобным средством для вербального оформления этого своего непосредственного восприятия. Именно на такой претензии и держится вся современная научно-материалистическая парадигма в ее законченной эволюционно-исторической форме. А другой подход — догадка познающего, что язык своей смысловой структурой навязывает ему определенные формы восприятия, т. е. осознание

человеком собственного нахождения внутри того, с помощью чего он осознает себя в мире [3, с. 335]. И это его признание самому себе, что, хочет он того или нет, но мир он видит через «очки» языка [13, с. 237].

Первый подход — источник и причина кризиса современной познавательной парадигмы, второй — стартовая площадка для решения той задачи, которую сформулировал М. Хайдеггер: задача не в том, чтобы преодолеть «круг» (это невозможно в принципе), а в том, чтобы правильно в него войти [15, с. 152–153].

Но «правильно войти в круг» — значит окончательно отказаться от методологической опоры на эволюционно-историческую картину мира, целиком построенную на поверхностно онаученной языковой презумпции «происхождения» («возникновения», «начала» и др.). А таким отказом неизбежно обрушивается вся налаженная система предпосылочных ментальных штампов современной научной картины мира, весь воздвигнутый на тавтологическом песке этих штампов «бутафорский дворец научного миропонимания» (по выражению П. Флоренского) [6, с. 203].

Сказанным объясняется, почему современная познавательная ситуация — это ситуация «методологического зависания» между уходящей, основанной на «просвещенческих» предпосылках философии XVIII и XIX веков общенаучной парадигмой и противоречащей ей новейшей эмпирической фактологией.

Тезисно ситуацию «зависания» можно охарактеризовать следующим образом:

- Устарелость уходящей парадигмы заключается в проблеме тавтологичности эволюционно-исторической аксиоматики.

- Тавтологичность — это проблема познающей мысли, обнаружившей свойство своей направленности не только на внешние объекты, но также и на саму себя, на собственный познавательный аппарат.

- Важнейшей частью фундамента новой познавательной парадигмы должна быть признана основополагающая роль языка. Необходимо признать методологически-определяющим значение высказываний типа «Язык... имеет... самостоятельную жизнь, как бы вне человека, и господствует над ним своею силою» [10, с. 12]; «Язык есть способ мироистолкования, предпосланный любому акту рефлексии» [4, с. 24]; «Мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти» [16, с. 272].

Фантазировать по поводу выхода из задаваемого языком «круга», игнорируя проблему возникающих при этом тавтологий, можно как угодно и сколько угодно. Но если придерживаться чисто конструктивной позиции, то нужно будет согласиться с тем, уже обозначенным выше, тезисом Хайдеггера, согласно которому «решающе не выйти из круга, а правильным образом войти в него» [15, с. 153].

Как «войти в круг»? Сразу оговорюсь, что это тема для целого научного направления, связанного с довольно мало разработанным предметом

«исторической семантики». Именно поэтому коснись лишь предварительного условия раскрытия данной темы, не сказать о котором просто нельзя.

Условие сводится к необходимости принципиально нового подхода к изучению смысловой организации языка человеческого общения. Дело в том, что явление, принимаемое обычно за собственно человеческий язык, в действительности скрыто содержит в себе два совершенно разных типа языков: язык первичных знаковых систем и язык вторичных знаковых систем. Причем слова «первичные» и «вторичные» вовсе не означают, что вторичные системы произошли от первичных. Эти слова здесь чисто условные, никаким эмпирическим материалом не оправданные и потому устаревшие. Они были предложены представителями московско-таргуской семиотической школы с целью избежания частого употребления термина «семиотика», вызывавшего неприятие со стороны официальной идеологии [11, с. 65]. По сути же нужно понимать так, что вторичные знаковые системы принципиально отличны от первичных знаковых систем.

Чем они отличны друг от друга? А вот чем. Скажем, я попрошу собеседника: «Дай мне эту книгу (чашку, сумку, шляпу и т.д.)», и он ее мне даст, если захочет. Но попроси я его дать мне добро (зло), или истину (ложь), или социализм (капитализм, фашизм, демократию) — что он мне даст, если даже и захочет? Ничего, потому что за всеми этими словами скрывается не конкретная предметика, а понятийная неоднозначность, выражаемая непохожестью смысловой организации одного языка на смысловую организацию другого.

Непохожесть эта и является поводом для различения в естественном языке двух его составляющих. Язык первичных знаковых систем, *который правильнее называть практическим или предметным языком*, — это механическая сумма разрозненных, не связанных друг с другом, знаков. Язык же вторичных знаковых систем, *правильнее называть его символическим*, — взаимосвязанная система символов (полисемантических понятий).

Чтобы лучше понять природу взаимосвязей внутри символического языка, представим себе, что мы хотим узнать смысл некоего понятия. Для этого мы берем в руки толковый словарь и находим соответствующую словарную статью, разъясняющую нам суть. Но словарная статья тоже состоит из понятий, к каждому из которых в свою очередь можно подобрать соответствующую словарную статью. И новые словарные статьи содержат в себе понятия, раскрываемые через другие словарные статьи, и т.д. Если продолжать данный процесс достаточно долго, то всё окончится исчерпанием словарного запаса языка. Окажется, что язык понятий замкнут сам на себя, чем, собственно, и объясняется ситуация «круга».

Замкнутый сам на себя символический язык раскрывается посредством уже не толковых словарей, построенных по алфавитному принципу, а семантических — тезаурусов (от греческого *θησαυρος* — сокровище, клад, запас). Тезаурусы описывают смысловую структуру символического языка или отдельные тематические разделы этой

структуры путем соотнесения одних понятий с другими, а также с их группами, выстраивания на этой основе иерархии уровней соотнесения. А поскольку символический язык представлен в культуре не только своими вербальными, но и поведенческими и «вещными» аспектами, совокупностью которых специфика культуры и определяется, то уместно говорить о «тезаурусном лице культуры» [7, с. 125–144].

Практическое распространение получили тематически ограниченные, так называемые локальные, тезаурусы (в языках программирования, в библиотечном каталогизировании и т.д.) Что касается общеязыкового тезауруса, то его построить так и не удалось — смысловая структура естественных языков оказалась слишком сложной. А сложной она оказалась не только из-за полисемантности понятий, но и из-за самой первопричины полисемантности — исторической изменчивости их семантики, присущей лишь символическому языку [7, с. 145–163].

Разностью смысловых структур двух типов языков обеспечивается разность их функций. Это блестяще доказали эксперименты, проведенные во второй половине прошлого века в США на шимпанзе. Эксперименты, описанию которых посвящена книга Юджина Линдена «Обезьяны, человек и язык» [14], заключались в том, что молодняк обучали разговору на человеческом языке. У обезьян, как известно, гортань устроена таким образом, что они не могут издавать звуки, аналогичные человеческим. Но оказалось, их можно научить языку, построенному на обмене элементарными знаками (предметными или жестовыми, подобными языку глухонемых). За годы обучения такие шимпанзе осваивали до нескольких сотен «слов», которые умели использовать в различных разговорных ситуациях и по отдельности, и в сочетании друг с другом.

Естественно, наблюдатели вообразили, что эксперимент «знаменует собой проникновение дарвиновских воззрений на территорию наук о поведении, всегда бывших владениями Платона» [14, с. 199]. Правда, в эйфории от такого «проникновения» не сразу было замечено, на какие темы разговаривает обезьяна. Она, оказывается, может сказать «дай мне попить», «почеши мне спину» и даже обозвать не нравящегося ей человека «грязным», но ни одна обезьяна в процессе обучения так и не смогла достичь уровня, начиная с которого с ней можно было бы поговорить, например, о философии, политике, литературе или искусстве. И дело здесь вовсе не в том, что существует «потолок» в количестве запоминаемых обезьяной слов, существование такого «потолка» никто еще не доказал. Дело в качестве слов, а точнее — в различии между словами, обозначающими конкретные предметы, и словами, обозначающими неоднозначные понятия.

Вывод, следующий отсюда, заключается в том, что между предметным и символическим языками есть непреходимая грань. А то, что человек способен одновременно говорить на обоих языках, произвольно комбинируя их в своих лексических

конструкциях, вовсе не означает, что символический язык произошел от предметного. Это свидетельствует о том, что внутренний мир личности образует собою нечто вроде «троянского коня» с находящейся внутри «говорящей обезьяны», готовой в любой момент сломать хрупкую оболочку символического языка и потоптаться на ее обломках.

Чтобы активизировать в человеке «говорящую обезьяну», достаточно запустить в работу технологии упрощения понятийного аппарата культуры — технологии сведения ее информационной составляющей к одному лишь предметному языку. Именно на таких технологиях держатся и социальная демагогия, и отупляющая реклама, и политические приемы оргвойны (заведомо разрушительные «реформы», сомнительные законопроекты, безответственные публикации в прессе, манипулятивные технологии и т. д.). А мы удивляемся: почему так легко происходит раскультурирование людей?

Да потому и происходит, что считающийся «собственно человеческим» язык на самом деле содержит в себе два языка: тот, который доступен и высшим животным, и тот, который приобщает нас к неразгаданной пока еще тайне происхождения культуры. Оба языка необходимы: первый помогает нам удовлетворять потребности своей животной природы, а второй — осознавать свое отличие от «говорящей обезьяны». Но поскольку инструментом воспитания человека является лишь второй язык, то достаточно начать постепенно вытеснять его из повседневного обихода (средствами и методами проводимой сегодня культурно-образовательной политики), чтобы первый тут же обернулся «троянским вирусом» культуры — средством превращения людей в «говорящих обезьян».

Как противостоять этому вирусу в обществе, на 90% живущем в мире предметного языка, т. е. в мире тех же, что и у животных, забот о выживании? Ничего другого, кроме проповеди нравственных ценностей, человечество пока не придумало. Проблема, однако, в том, что далеко не ясно: как обеспечить реальную эффективность этой проповеди? Ведь все мы прямо или косвенно страдаем от явного повышения в обществе градуса асоциальности, безответственности и откровенной бессовестности. И все мы ищем способы как-то понизить

этот «градус»: в СССР — с помощью «Морального кодекса строителя коммунизма», сегодня — стараниями церкви. Но в обоих случаях результат — если не выдавать желаемое за действительное — весьма скромный.

Почему? Потому что нравственность — вопреки тому, что думают и говорят о ней профессиональные моралисты, — не самодостаточная идеологическая сущность, которую можно «вставить», как дискету в компьютер, в общественное сознание, а производное от мировоззрения, несущего в самом себе ответ на вопрос: «Почему я должен считаться не только со своими, но и с чужими интересами, т. е. быть личностно и социально нравственным?» А такого мировоззрения сегодня нет ни у церкви, чья средневековая (а по факту древняя языческая) картина мира с ее «раем» и «адамом» давно утратила свою убеждающую силу, ни тем более у светского, глубоко материалистического по духу, сообщества [8].

Но где же тогда взять искомое мировоззрение? Там, где лежит проблема «круга». Потому что, решая ее, мы выходим на какие-то совершенно иные мировоззренческие горизонты, с высоты которых по-новому высветятся и нравственная проблематика, и представления о долге и совести, и смысл существования. Ведь если мир — не то, что представлялось классической («просвещенческой») науке, «то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, где случайные события выступают в качестве последней и единственной истины. Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей представится в этом случае гораздо более реальным, а его встроенность в космический порядок окажется подходящим мостом между <...> наукой и гуманитарным ощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой другой сформулированной по аналогичному принципу антитезы» [1, с. 23–24]. На очереди разработка технологии правильного вхождения в образуемый символическим языком круг [7, с. 68–79]. Только она, эта технология, и позволит окончательно перевести проблематику изучения внутреннего мира личности с языка тавтологических предпосылок на чисто операциональный, эмпирически выверенный язык.

1. Бергаланфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973. 266 с.
2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1987. 340 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: «Искусство», 1991. 336 с.
5. Геродот. История: в 9 т. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», «АСТ», 1999. 740 с.
6. Горюнков С. В. К вопросу о переоснащении теоретико-методологического аппарата исторической науки // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 193–207.
7. Горюнков С. В. Мета-коды культуры. СПб.: ООО «Контраст», 2014. 303 с.
8. Горюнков С. В. Фантомы и фикции исторической науки: анализ методологической ситуации [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 2 (март/апрель). Режим доступа: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Goriunkov_Phantoms-Fictions-History/ (дата обращения: 23.01.2017).
9. Горюнков С. В. Между верой и знанием: ловушка псевдовыбора [Электронный ресурс] // Сайт Международной академии социальных технологий. Режим доступа: <http://www.pan-i.ru/novosti/mezhdu-veroy-i-znaniem-lovushka-psevdovibora.html> (дата обращения: 23.01.2017).

10. Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. 366 с.
11. Кармин А. С. Культурология: учебник. 6-е изд. СПб.: «Планета музыки»; «Лань», 2011. 928 с.
12. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М.; СПб.: «Университетская книга», 2002. Т. 1. 272 с.
13. Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб.: «Юна», 1998. 246 с.
14. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М.: «Мир», 1981. 272 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
16. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: «Республика», 1993. 447 с.

References

1. Bertalanffy L. von. The history and status of general systems theory. In: *Trends in General Systems Theory*. Klit G. J. (ed.). New York: Wiley Interscience, 1972. 462 p. (Rus. ed.: Bertalanfi L. fon. Istoriya i status obshchey teorii sistem. In: *Sistemnyye issledovaniya: ezhegodnik* [System research: yearbook]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 266 p.)
2. Vernadskiy B. I. *Khimicheskoye stroeniye biosfery Zemli i yeye okruzheniya* [The chemical structure of the Earth's biosphere and its environment]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 340 p. (In Russian).
3. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* [Truth and method]. Heidelberg: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1960. 486 s. (In German).
4. Gadamer H.-G. *Die Aktualität des Schönen: Kunst als Spiel, Symbol und Fest* [The relevance of the beautiful]. Stuttgart: Reclam, 1977. 77 s. (In German).
5. Herodotus. *The history*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 710 p.
6. Goryunkov S. V. К вопросу о pereosnashchenii teoretiko-metodologicheskogo apparata istoricheskoy nauki [Refurbishing the methodology of historical research]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye — Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 2016, pp. 193–207 (in Russian).
7. Goryunkov S. V. *Meta-kody kultury* [Meta-codes of culture]. St. Petersburg: Kontrast Publ., 2014. 303 p. (In Russian).
8. Goryunkov S. V. Fantomy i fiksii istoricheskoy nauki: analiz metodologicheskoy situatsii [Phantoms and fictions of historical science: an analysis of methodological situation]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye — Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 2015 (in Russian). Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Goriunkov_Phantoms-Fictions-History/ (accessed 23.01.2017).
9. Goryunkov S. V. *Mezhdu veroy i znaniyem: lovushka psevdovybora* [Between faith and knowledge: a pseudo-select trap] (in Russian). Available at: <http://www.pan-i.ru/novosti/mezhdu-veroy-i-znaniem-lovushka-psevdovybora.html> (accessed 23.01.2017).
10. Humboldt W. von. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* [On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species]. Berlin: F. Dümmler, 1883. 438 s. (In German).
11. Karmin A. S. *Kulturologiya* [Culturology]. 6th Ed. St. Petersburg: Planeta Muzyki Publ., Lan Publ., 2011. 928 p. (In Russian).
12. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. [The philosophy of symbolic forms]. Bd. 1. Berlin: Die Sprache, 1923. 300 s. (In German).
13. Kolesov V. V. *Russkaya rech. Vchera. Segodnya. Zavtra* [Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow]. St. Peteresburg: Yuna Publ., 1998. 246 p. (In Russian).
14. Linden E. *Apes, men, and language*. New York: Saturday Review Press, 1974. 304 p.
15. Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and time]. Berlin: Max Niemeyer, Halle a. d.Saale, 1927. 438 s. (In German).
16. Heidegger M. *Vremya i bytiye: statyi i vystupleniya: per. s nem.* [Time and being: articles and speeches: translation from German]. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p. (In Russian).